

НЕПОКОРНАЯ

18+

Нина Кислицына

Непокорная

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Непокорная / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Лето. Большой город. Она - писательница. Он - сын главы города. История от противостояния к любви через интриги, разлуку, преследование и фальшивый роман с сестрой.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Непокорная

ГЛАВА 1

Лето висело над городом густое, как сироп. Асфальт плавился, каблуки прохожих оставляли в нём едва заметные вмятины, а

воздух дрожал над крышами припаркованных машин. Мартин Варгас стоял у открытого окна своей машины, опустив локоть на раму, и ждал, когда тронется светофор. Кондиционер гнал в лицо прохладную струю, но солнце всё равно доставало — ложилось на рубашку, на руль, на подставленную ладонь.

Он не собирался сворачивать. Дорога до управления шла прямо, через два квартала — отцовская приёмная, дела, бумаги, которые он

ненавидел. Но у перекрёстка полосу перегородили: рабочие меняли бордюр, оранжевые конусы выстроились частоколом, и навигатор повёл его в объезд, дворами, туда, куда он не заезжал никогда.

Вот так случайности и работают. Не спрашивают, не дают времени подготовиться — просто сворачивают тебя за угол.

Он сбросил скорость перед узким проездом между старыми липами, пропуская женщину с коляской, и увидел её.

Девушка сидела на крыльце небольшого дома — невысокого, кирпичного, с облупившейся зелёной дверью. Ноги в лёгких

сандалиях упирались в ступеньку, на коленях лежал раскрытый ноутбук, волосы были подхвачены наверх простой деревянной заколкой. Она не смотрела на дорогу. Она смотрела в экран, чуть склонив голову, и губы её беззвучно шевелились — она проговаривала то, что писала.

Мартин притормозил. Сам не заметил, как нога отпустила педаль, как машина поползла вдоль бордюра, — просто увидел её и

перестал думать о маршруте.

Она подняла руку, убрала с шеи прилипшую прядь, и солнце легло ей на ключицу. Потом нахмурилась, что-то стёрла, закусил нижнюю губу — и снова застучала по клавишам, быстро, не глядя на пальцы.

Он просидел так минуту, а может, две. Сзади коротко библикнули.

Мартин не обернулся, не вздрогнул, вообще не пошевелился. Он смотрел, как она улыбнулась собственному тексту — едва заметно, уголком рта, — и впервые за долгое время ему захотелось узнать

чужое имя. Не потому, что было нужно для дела. Просто захотелось.

Свет он так и не увидел. Машина тронулась сама, под его рукой, медленно, вдоль тротуара. Девушка подняла голову на звук мотора, и на секунду их взгляды встретились через открытое окно. Глаза у

1

неё были светлые, серые, как вода в городском фонтане утром, пока её не замутили монеты.

Она отвернулась первой. Вернулась к ноутбуку, поправила заколку, повела плечом — и снова застучала по клавишам.

Мартин усмехнулся и нажал на газ. Пальцы сжали руль крепче, чем требовалось.

Вечером он уже знал: этот дом на улице Кленовой, дом номер двенадцать. Дейли Харт. Писательница. Снимает жильё одна. Пишет книгу. Больше ему ничего не было нужно.

Он откинулся в кресле, глядя в потолок, и медленно прокрутил в голове её лицо — как она хмурилась над экраном, как кусала губу, как убрала волосы с шеи. Прокрутил ещё раз. Потом ещё.

— Дейли, — произнёс он вслух, пробуя имя на язык. Оно оказалось тёплым, с мягким «л» посередине, как будто его можно было держать во рту.

Он не знал, что с этим делать. Но точно знал: он хочет её.

Не так, как хотел других. Тех, кого забывал к утру, чьи имена путал, чьи номера не сохранял. Тут было иначе, и это раздражало — как

камешек в ботинке, от которого не отмахнуться. Дейли Харт, писательница с облупленного крыльца, — первая женщина, которую

он захотел узнать прежде, чем раздеть.

Он взял телефон, открыл её фотографию, которую ему прислали вместе с адресом, — та самая, из соцсети: она у книжного стеллажа, с чашкой в руке, смотрит куда-то мимо камеры. Увеличил.

Рассмотрел тонкую жилку на запястье, угол наклона головы, тень от ресниц.

— Ну что ж, Дейли, — сказал он темноте. Голос прозвучал ниже обычного. — Посмотрим, кто кого.

Он не знал тогда, что эта игра обернётся против него.

Дейли в это время закрыла ноутбук, потянулась так, что хрустнули

плечи, и налила себе холодного чая. За окном догорало солнце, пахло пылью и липой.

Она стояла у кухонного стола, прижимая

стакан к щеке, и думала о своей героине — та в этот вечер должна

была сделать неправильный выбор, и Дейли не могла решить, позволить ей или подтолкнуть назад.

Про мужчину в чёрной машине она не вспомнила. Мало ли кто ездит по Кленовой.

2

На следующее утро Мартин проснулся с мыслью о ней — как будто и не засыпал, а всю ночь сидел в той машине у облупленного крыльца.

Он лежал, смотрел, как солнечные полосы ползут по потолку, и понимал, что день пойдёт не по плану. Бумаги в отцовской приёмной подождут. Они подождут всё.

Он встал, выпил кофе стоя, не включая телефон, и оделся так, как одевался редко: простые джинсы, светлая футболка, кепка, которую не носил года два. Костюм и рубашку оставил висеть на дверце шкафа.

— Куда-то собрался? — спросила мать, когда он проходил через гостиную. Она сидела с чашкой у окна, листала журнал, не поднимая глаз.

— Проветриться.

— В понедельник? В девять утра?

— Именно.

Он не стал объяснять. Взял ключи, вышел, и уже через двадцать минут снова стоял на Кленовой, напротив дома номер двенадцать,

— уже без машины, пешком, как обычный прохожий, который просто шёл мимо.

Крыльцо было пустым. Зелёная дверь закрыта, окно на втором этаже приоткрыто, и занавеска шевелилась от сквозняка, как живая.

Он постоял, глядя на это окно, потом перешёл улицу и сел на лавочку под липой, спиной к дому, чтобы её не спугнуть, если она выглянет.

Так прошло минут сорок. Он почти поверил, что умеет ждать, — хотя в жизни не ждал никого, даже отца.

Потом дверь скрипнула.

Он не обернулся сразу. Досчитал до пяти, как будто это что-то меняло, и только тогда повернул голову.

Дейли вышла с сумкой через плечо, в светлом платье до колен, с теми же сандалиями. Волосы сегодня были распущены, падали на плечи, и она, зажмурившись, подняла лицо к солнцу — на секунду, как кошка, выбравшаяся на крыльцо. Потом сунула в ухо наушник, тряхнула головой и пошла в сторону перекрёстка.

Мартин встал и пошёл следом, держась на другой стороне улицы, чуть позади.

Она завернула за угол, миновала булочную, из которой тянуло корицей, и вошла в кафе с жестяной вывеской «У Лоры». Села у окна, 3
заказала, судя по движению губ, что-то длинное — наверное, холодный кофе со льдом,
— и раскрыла блокнот. Не ноутбук, а
обычный бумажный блокнот, потрёпанный, с торчащими
закладками.

Мартин вошёл следом и сел через два столика, так, чтобы видеть её вполоборота. Заказал эспрессо. Достал телефон и сделал вид, что читает почту, — а сам смотрел, как она пишет, быстро, наклоняя голову то влево, то вправо, как губы её складывают слова, которые она потом вычёркивает.

Она зачёркивала часто. Оставляла только иногда.

Официантка принесла ей стакан с мятной трубочкой. Дейли подняла глаза, улыбнулась, сказала «спасибо» — Мартин прочитал по губам, — и снова уткнулась в блокнот.

Он сидел и понимал, что это глупо. Взрослый мужчина, сын главы города, следит за девушкой в кафе, как мальчишка. Можно было подойти, сказать что-нибудь, разыграть случайность — он умел, это было его территорией. Но впервые он не хотел разыгрывать.

Впервые хотелось, чтобы она сама подняла голову и заметила его — без всякой подстроенности, просто так.

Этого, конечно, не случилось. Она допила кофе, расплатилась наличными, сгребла мелочь в кармашек сумки и вышла, на ходу надевая наушник.

Мартин бросил на стол купюру и вышел за ней. Он сам не знал, зачем идёт. Просто не мог не идти.

Она свернула в сквер, села на скамейку у фонтана, вытянула ноги и снова раскрыла блокнот. Вода шумела ровно, голуби клевали у её ног крошки, которые она машинально им сыпала из бумажного пакетика. Мартин стоял за стволом старого каштана, как идиот, и смотрел.

И тут она подняла голову.

Не на него — просто оторвалась от блокнота, посмотрела на фонтан, на небо, на голубей. Её взгляд скользнул по аллее, по деревьям — и остановился на нём.

Он не отвёл глаз. Он вообще забыл, что надо что-то делать — улыбнуться, отойти, сделать вид, что ждёт кого-то. Просто стоял и смотрел.

4

Дейли нахмурилась — едва заметно, сдвинула брови, как будто силилась вспомнить, где его видела. Потом узнала. Мартин понял это по тому, как дрогнул её подбородок.

Она не испугалась. Она смерила его взглядом — с головы до ног, не стесняясь, — и вернулась к блокноту, всем видом давая понять, что человек, торчащий за каштаном, её не касается.

Это и решило всё.

Мартин отлепился от дерева, обошёл скамейку и сел на другой её конец — не близко, но и не оставив сомнений, что пришёл сюда ради неё. Она не шелохнулась. Только ручка остановилась на полуслове.

— Вам не говорили, что подглядывать некрасиво? — спросила она, не поднимая глаз. Голос у неё был ниже, чем он представлял, с лёгкой хрипотцой, как будто она только что молчала слишком долго.

— А вам не говорили, что писать в кафе и в сквере — значит быть на виду? — ответил он.

Она подняла глаза. Серые, спокойные, с золотистыми точками ближе к зрачку.

— Я вас где-то видела.

— Возможно.

— На Кленовой. Вчера. Чёрная машина.

— И что?

— И то, что вы ехали вдоль тротуара так медленно, что за вами пробка собралась. А сегодня вы за мной от кафе шли. Это начинает походить на слежку.

Мартин усмехнулся, откинулся на спинку скамейки.

— Может, мне просто по пути.

— Через два квартала от моего дома до сквера — вам по пути? —

Она закрыла блокнот. — Послушайте, я не знаю, кто вы и что вам нужно. Но у меня нет ни времени, ни желания выяснять. Если вы ищете приключений, поищите в другом районе.

Она встала. Сумка качнулась, голуби вспорхнули и расселись поодаль.

Мартин остался сидеть.

— Дейли, — сказал он тихо.

Она замерла. Медленно обернулась.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

5

Он поднялся, сунул руки в карманы и посмотрел на неё сверху вниз

— теперь, вблизи, он видел, что она ниже, чем казалось со стороны, и что у неё на скуле крошечная родинка, а на запястье — след от

резинки для волос.

— Знаю, — сказал он. — И вас не пугает. Вы злитесь. Это разные вещи.

— Вы ошиблись, — сказала она ровно. — Мне всё равно, что вы знаете. Но если вы ещё раз пойдёте за мной, я вызову полицию. И поверьте, у меня есть кому позвонить быстрее.

Она развернулась и пошла к выходу из сквера, не оглядываясь.

Ручка блокнота торчала из сумки, как флажок.

Мартин смотрел ей вслед, пока она не растворилась за деревьями, и улыбался — широко, сам не замечая этого. Он не ожидал, что будет так весело.

ГЛАВА 2

Дейли шла домой, и сердце колотилось где-то в горле. Она злилась

— на себя, за то, что обернулась; на него, за то, что он посмел

произнести её имя так, будто имел на него право. Она не помнила, чтобы кто-то выводил её из себя за две минуты. А этот — вывел.

И всё же, закрывая за собой зелёную дверь, она поймала себя на том, что стоит у окна и смотрит на улицу, — как будто ждёт, что из-за угла снова появится чёрная машина.

Глупость, сказала она себе. Просто глупость.

Она заварила чай, села к ноутбуку и заставила себя вернуться к героине. Но строчки сегодня шли туго: в голове вместо сюжета крутились серые глаза незнакомца и то, как он, не моргнув, смотрел на неё из-за каштана.

Вечером Мартин сидел на подоконнике в своей квартире и смотрел на город с высоты двадцать четвёртого этажа. Огни внизу дрожали в мареве, как будто весь центр медленно плавился в летней духоте.

Он прокручивал в голове её голос, её ровное «вызову полицию», то, как она обернулась на собственное имя.

Это было не просто сопротивление. Это было сопротивление с характером, и оно задевало сильнее, чем он ожидал. Девушка из дома с зелёной дверью не испугалась его и не подыграла. Она поставила границу и ушла, не оглянувшись. Он не мог вспомнить, когда в последний раз кто-то уходил от него, не оглянувшись.

6

Телефон зажужжал. Он глянул на экран: отец. Пять пропущенных за день, теперь шестой. Мартин сбросил звонок большим пальцем, не переставая смотреть в окно.

Потом открыл её страницу в соцсети. Та же фотография у стеллажа.

Ниже — редкие посты, в основном про книги. Никаких селфи, никаких историй из примерочных, никаких «я в ресторане с подругами». Она не жила напоказ. Мартин читал её старые записи, как чужой дневник, который забыли запереть.

В последней, трёхнедельной давности, она писала про своего героя — мужчину, который не умеет оставаться. «Он уходит красиво, — писала она, — потому что не умеет оставаться некрасиво». Мартин перечитал фразу дважды и почувствовал, как что-то в груди неприятно сжалось. Он знал, что это про неё. Такие фразы пишут не из головы.

Значит, у неё кто-то был. Или был, и ушёл. Мартину вдруг захотелось узнать имя этого человека — не из ревности, а из странного, почти исследовательского азарта: кто оставил эту женщину и оставил ли. Он лёг спать далеко за полночь, а утром снова оказался на Кленовой. На этот раз он не прятался. Стоял, прислонившись плечом к фонарному столбу напротив её дома, и ждал.

Она вышла в начале десятого — с той же сумкой, в льняной рубашке навыпуск. Увидела его сразу. Остановилась на крыльце, поправила сумку на плече, как будто решая, вернуться в дом или идти мимо. Потом сошла по ступенькам и пошла в его сторону.

— Это уже не слежка, — сказала она, не останавливаясь. — Это домогательство.

Мартин отлепился от столба и пошёл рядом.

— Домогательство — это когда я чего-то от вас добиваюсь.

— А вы разве нет?

— Добиваюсь, — согласился он. — Но пока только разговора.

— Мне не о чем с вами разговаривать.

— Вам есть о чём. Вы писательница. Вы всё время с кем-то разговариваете — с теми, кого сами придумали.

Она споткнулась на ровном месте, едва удержала сумку, и Мартин заметил, как дёрнулось её плечо.

— Значит, вы навели обо мне справки, — сказала она, глядя строго вперёд.

— Немного.

7

— И что ещё вы знаете?

— Что вы снимаете дом одна. Что пишете книгу. Что любите писать в кафе, когда дома не пишется. Что у вас есть парень, который в отъезде.

Дейли резко остановилась. Повернулась к нему всем корпусом.

— Послушайте меня, — произнесла она, и голос её стал ниже и твёрже. — Я не знаю, зачем вам всё это. Возможно, вам скучно.

Возможно, вы привыкли, что всё достаётся по первому требованию.

Но я не «всё». Я человек, у которого есть жизнь, работа и отношения.

И в этой жизни для вас места нет. Вы поняли?

Мартин смотрел на неё, и ему нравилось, как она говорит — не срываясь на визг, не отводя глаз, как человек, который привык отвечать за свои слова.

— Понял, — сказал он.

— Вот и славно. Идите своей дорогой.

Она развернулась и пошла. Он остался стоять.

— Дейли, — окликнул он.

Она не обернулась, только замедлила шаг.

— Парня, который в отъезде, — бросил он ей в спину, — у вас уже нет.

Она замерла. Не обернулась, но спина её напряглась, и Мартин видел, как медленно поднимаются её плечи — как у человека, который изо всех сил держит себя в руках.

— Не лезьте в мою жизнь, — сказала она тихо, не поворачиваясь.

И ушла.

Мартин смотрел, как она сворачивает за угол, и улыбка сползла с его лица. Он сказал это наугад — почти наугад, просто чтобы проверить, — и по её спине понял, что попал. Что-то у неё с этим парнем уже сломалось, или ломалось прямо сейчас, и она ещё не знала об этом. Ему стало не по себе. Он привык побеждать, а не бить по больному. Но отступать было уже поздно: он влез, и влез глубоко.

Вечером он позвонил человеку, который навёл для него справки, и тот рассказал: парня зовут Тим. Работает в банке, уехал в столицу на стажировку три недели назад. Звонит всё реже. Возвращаться не собирается — Мартину это подтвердили по знакомству из его отдела. Значит, он не соврал. Он просто озвучил то, о чём Дейли боялась думать.

8

Мартин допил виски, глядя в тёмное окно, и впервые засомневался, стоит ли играть дальше. Но перед глазами стояло её лицо — как она

обернулась на своё имя, как горели её серые глаза у фонтана, как вздрогнула спина на его последнюю фразу.

Он не знал, что с ним. Знал только, что остановиться уже не может.

Дейли в этот вечер не писала. Она сидела на кухне, обхватив ладонями остывшую кружку, и смотрела на экран телефона, где висел её последний непрочитанный диалог с Тимом — сообщение, отправленное вчера и оставшееся без ответа. Она не плакала. Ей

было слишком зло для слёз — и оттого ещё хуже, потому что злость требовала выхода, а выхода не было.

Чужой человек, которого она видела три раза в жизни, сказал ей вслед то, что она гнала от себя неделями. И от этого слова жгли, как пощёчина.

Она набрала номер Тима. Гудки шли долго, один за другим, как удары. Потом короткий сброс. Дейли медленно положила телефон экраном вниз и уставилась в темноту за окном. За стеклом шумела липа, и пахло пылью, и город гудел где-то вдалеке, не затихая.

Она не знала, что это только начало.

Тим объявился через два дня. Не сам — пришло сообщение среди ночи, короткое, как квитанция: «Нам надо поговорить». Дейли прочитала его утром, стоя у плиты, и перевернула телефон экраном вниз, не ответив. Она знала этот тон. С него начинался не разговор, а отступление.

Он позвонил в обед. Она как раз сидела в кафе «У Лоры», перед ней лежал блокнот с неоконченной сценой, и строчки расползались перед глазами. Дейли смотрела, как вибрирует телефон на столе, и не брала трубку, пока официантка не покосилась на неё с соседнего столика.

— Да, — сказала она, поднеся телефон к уху.

— Привет. Ты как? — Голос Тима был ровный, как будто не он пропадал на недели.

— Нормально.

— Слушай, я долго думал... — Он замолчал, и в трубке зашумел ветер или дорога, она не разобрала. — Мне кажется, нам надо взять

паузу.

9

Дейли откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. По улице шла женщина с ребёнком, и ребёнок тянул её за руку к витрине с мороженым. Мир не остановился, чтобы дать ей перевести дух.

— Паузу, — повторила она ровно.

— Я не знаю, как по-другому. Здесь всё по-другому, люди другие. Я понял, что мне нужно побыть одному, разобраться...

— Ты три недели был один, Тим.

Он замолчал. Она услышала, как он втянул воздух, и по этому вдоху всё поняла — раньше, чем он успел сказать.

— Я встретил кое-кого, — сказал он наконец.

Дейли закрыла глаза. Внутри стало очень тихо, как бывает, когда ждёшь удара и он наконец приходит.

— Ты поэтому не отвечал?

— Я не знал, как сказать. Не хотел, чтобы это было по телефону.

— Но оно по телефону.

— Да, — согласился он тихо. — Прости.

Она не заплакала. Даже голос не дрогнул. Просто стало пусто, как будто из неё разом вынули что-то тяжёлое, что она таскала с собой последние недели, — и она не знала, легче ей или тяжелее.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, что сказал.

— Дейли...

— Я не злюсь. Правда. Ты имеешь право.

Она нажала отбой, не дожидаясь ответа, и ещё долго сидела, глядя на погасший экран. Потом подозвала официантку, попросила счёт и вышла на улицу, где солнце било в глаза, как ни в чём не бывало.

ГЛАВА 3

Она шла домой по Кленовой и не плакала. Ей было двадцать шесть, у неё была книга, которую никто ещё не прочитал, дом, который она

снимала на гонорар от прошлой, и телефон, в котором стало на один контакт меньше смысла. Этого было и мало, и достаточно.

Мартин появился на следующий день, как по расписанию. Она вышла вынести мусор и увидела его у калитки — он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на неё так, будто ждал, что она сейчас захлопнет дверь у него перед носом.

— Что вам нужно? — спросила она, не подходя.

— Узнать, как вы.

— Вы надо мной издеваетесь?

10

— Нет.

Она усмехнулась, покачала головой и бросила пакет в контейнер у забора.

— Вы всё знали заранее, — сказала она. — Про Тима. Про то, что он не вернётся. Вы пришли меня жалеть?

— Я пришёл, потому что не мог не прийти.

Она подняла на него глаза. Сегодня он был без кепки, в тёмной футболке, и вблизи, при дневном свете, казался моложе, чем тогда в машине. Но взгляд у него был тяжёлый, взрослый, и под этим

взглядом ей стало не по себе.

— Послушайте, — сказала она медленно, — я не знаю, кто вы. Но то, что вы делаете, — это не ухаживание. Это контроль. Вы следите, вы наводите справки, вы знаете обо мне то, чего я вам не рассказывала. От такого не влюбляются. От такого хочется закрыть дверь и сменить замки.

Мартин смотрел на неё молча. Потом отвёл взгляд в сторону, на улицу, и Дейли впервые увидела, как что-то в его лице дрогнуло — не насмешка, не азарт, а что-то похожее на смущение.

— Вы правы, — сказал он тихо. — Я перегнул.

Она опешила. Приготовилась к наглости, к новому словесному удару, а он взял и согласился.

— Тогда уходите, — сказала она, помедлив.

— Уйду, — сказал он. — Но не из вашей жизни.

— Это не вам решать.

— Не мне. Но вы всё равно будете помнить меня, Дейли. Даже если сейчас вам этого не хочется.

Он развернулся и пошёл по улице, не оглядываясь. Дейли стояла у калитки, обхватив себя руками, и смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась за липами. И только тогда поняла, что колотится у неё не от злости.

Вечером она села писать и впервые за долгое время не смогла выдать ни строчки. Её героиня в этой сцене должна была сказать своему мужчине «уходи», и Дейли знала, что та скажет. Но слова не шли — потому что теперь она знала, как это звучит по-настоящему, когда человек уходит, а ты стоишь и смотришь вслед и не можешь

понять, чего в тебе больше — облегчения или пустоты.

Она отложила ноутбук, налила вина и села к окну. Где-то за домами гудел город. Пахло липой и вечерней пылью. Дейли смотрела на

11

пустую улицу и поймала себя на том, что прислушивается к каждому звуку шагов, — хотя и уговаривала себя, что ей всё равно.

А Мартин в это время сидел в машине двумя кварталами дальше, смотрел на огни своего телефона и впервые не знал, что написать.

Он набирал и стирал одно и то же сообщение, пока не отшвырнул телефон на соседнее сиденье.

Он не умел ждать. Но с ней, кажется, придётся научиться.

Мартин продержался четыре дня.

Первые два он честно не подъезжал к Кленовой, не открывал её страницу, не набирал номер, который всё равно не имел. Он заваливал себя делами: отцовские бумаги, встречи, спортзал до изнеможения, ужины, на которых он сидел с каменным лицом и отвечал невпопад. Мать посматривала на него поверх чашки, но молчала. Она умела ждать, когда сын сам созреет до разговора.

На третий день Мартин сломался на том, что просто проехал мимо её дома. Один круг, без остановки. Он убедил себя, что это не слежка — просто дорога. Но когда увидел в окне второго этажа свет, у него перехватило дыхание, как у мальчишки, и он понял, что никакие дела не вытравят из него эту женщину.

А Дейли в эти дни жила странной, раздвоенной жизнью. Днём она писала. Впервые за много недель строчки пошли — горькие, злые, точные. Она выплёскивала в героиню всё, что не могла сказать вслух: про предательство, про то, как человек уходит не тогда, когда уходит, а задолго до этого, пока ещё сидит рядом и отвечает на сообщения. Книга двигалась, и это было единственное, что держало её на плаву.

Но по вечерам, когда улица затихала, она ловила себя на том, что стоит у окна. Не смотрит — ждёт. И каждый раз, когда за липами мелькали фары, у неё что-то обрывалось внутри, и она злилась на себя за это обрывание.

Он не приходил. И это должно было радовать её. Но вместо радости была смутная, колкая пустота, с которой она не знала, что делать.

На четвёртый вечер Дейли не выдержала. Надела лёгкую куртку, хотя было тепло, и пошла в город — просто чтобы не сидеть у окна, как дура. Она гуляла по набережной, смотрела, как вода несёт

отражения фонарей, и почти поверила, что ей всё равно.

А потом увидела его.

12

Мартин стоял у перил набережной, спиной к ней, и смотрел на воду.

На нём была та же тёмная футболка, и в вечернем свете он казался чужим, незнакомым — не тем человеком, что следил за ней у калитки, а просто мужчиной, который пришёл сюда постоять один. Дейли хотела пройти мимо. Ноги сами замедлили шаг.

Он обернулся — не потому, что услышал её, а просто так, на звук города, — и увидел её. И замер.

Они стояли друг напротив друга, и между ними текли секунды, тяжёлые, как вода в реке. — Вы меня преследуете? — спросила она наконец, но без прежней резкости.

— Нет, — сказал он. — Просто пришёл сюда. Клянусь, я не знал, что вы будете здесь.

— Верится с трудом.

— А вы проверьте. — Он развёл руки. — Я не слежу. Я учусь.

— Чему?

— Ждать.

Дейли усмехнулась и подошла ближе, встала у перил в двух шагах от него, глядя на воду.

— Плохо у вас получается, — сказала она.

— Знаю.

Они замолчали. Вода шумела о гранит, где-то играла музыка из открытого кафе, и в этом шуме было что-то обезоруживающее — как будто город взял паузу вместе с ними.

— Я прочитал вашу прошлую книгу, — сказал Мартин вдруг.

Она резко повернула голову.

— Зачем?

— Чтобы узнать вас. Не через справки. По-настоящему.

— И что узнали?

— Что вы умеете писать о людях так, будто заглядываете им под кожу. И что сама вы, наверное, очень хорошо умеете скрываться. В

ваших героях вас много, но вы прячетесь за ними, как за чужими лицами.

Дейли смотрела на него, и внутри у неё всё сжималось — потому что он попал. Попал точнее, чем хотелось бы.

— Это очень личное, — сказала она тихо. — То, что вы читали.

— Я знаю. Поэтому и говорю.

13

Она отвернулась к воде. Сердце стучало где-то в горле, и она ненавидела себя за то, что стоит здесь, рядом с ним, и не уходит.

— Почему вы не можете оставить меня в покое? — спросила она.

— Потому что вы — единственное, что кажется мне настоящим за последний год.

— Это красиво сказано. Но я не поверю.

— И не надо. Я не прошу верить. Я прошу только не вычёркивать меня.

Дейли долго молчала. Потом подняла глаза, посмотрела ему в лицо

— впервые за весь разговор, не отводя взгляда.

— Я ничего вам не обещаю, — сказала она.

— Мне и не нужно обещаний.

Она кивнула, как будто что-то для себя решила, и снова уставилась на воду. Они простояли так до темноты, не касаясь друг друга, — двое чужих людей у реки, которым вдруг стало некуда спешить.

Мартин не знал, что это — победа или её начало. Но когда Дейли наконец повернулась, чтобы уйти, она на секунду задержала на нём взгляд — дольше, чем требовалось, — и в этой задержке было что-то, от чего у него внутри всё перевернулось.

— Спокойной ночи, Мартин, — сказала она.

И пошла по набережной, не оглядываясь.

Он так и стоял, глядя ей вслед, пока её силуэт не растворился в огнях.

И впервые за долгое время улыбнулся — не азартно, не победно, а так, как улыбаются, когда понимают, что всё только начинается.

Она назвала его по имени.

Он не говорил ей его. Значит, она сама навела о нём справки.

Мартин откинул голову к небу и рассмеялся — тихо, в темноту, над собой. Игра, кажется, шла в обе стороны.

После той ночи на набережной Мартин долго не мог уснуть. Он лежал и повторял про себя её «спокойной ночи, Мартин» — как будто в этих двух словах было больше, чем во всех его прежних победах. Она произнесла его имя не с вызовом, не с издёвкой, а спокойно, по-домашнему, как произносят имя человека, с которым уже не хочется воевать.

Утром он поступил так, как не поступал никогда: поехал в книжный на другом конце города, купил её прошлую книгу в бумаге и всю дорогу обратно держал её на пассажирском сиденье, как держат что-то живое.

14

В кафе «У Лоры» он вошёл в середине дня. Дейли сидела за своим столиком у окна, перед ней стоял стакан с мятной трубочкой и лежал раскрытый блокнот. Она не подняла глаз, пока он не поставил

книгу на стол.

Тогда она подняла.

— Что это?

— Ваша книга. Я её прочитал. Хочу автограф.

Дейли перевела взгляд с книги на него, потом обратно. Уголок её рта дрогнул.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

— Это самая странная попытка подката из всех, что я видела.

— Я не подкатываю. Я читатель.

Она фыркнула, но книгу взяла. Повертела в руках, открыла титульный лист, как будто проверяла, настоящая ли.

— И что вам больше всего понравилось? — спросила она, не поднимая глаз, и в голосе её впервые прорезалось любопытство.

Мартин сел напротив, не спрашивая разрешения.

— Глава, где героиня остаётся одна в доме у моря. Там она разговаривает с чайкой. Это смешно и жутко одновременно.

Дейли подняла голову. Теперь она смотрела на него по-другому — внимательно, как смотрят на человека, который неожиданно прочитал не обложку, а текст.

— Вы правда читали.

— От корки до корки.

Она помолчала, потом достала ручку из сумки, раскрыла книгу на титуле и вывела что-то быстро, наклонно. Захлопнула и подвинула ему.

— Держите. И больше не покупайте мои книги ради подката.

Мартин открыл. На титуле её почерком было написано: «Тому, кто умеет ждать. Дейли».

Он поднял на неё глаза, и она смотрела на него прямо, не улыбаясь, но и не хмурясь.

— Значит, вы верите, что я умею, — сказал он.

— Я верю, что вы стараетесь. Это разные вещи.

— И на том спасибо.

Она покачала головой и вернулась к блокноту, но ручка её не двигалась — она просто держала её, глядя в страницу. Мартин

15

видел, что она не пишет, а думает о нём, сидящем напротив, и от этого в груди у него разливалось что-то тёплое и наглое одновременно.

— Можно я останусь? — спросил он. — Молча. Я не буду мешать.

— Вы уже мешаете.

— Тогда уйду.

Он начал подниматься, и она — быстро, не успев себя остановить, — сказала:

— Сядьте.

Мартин опустил обратно. Она не смотрела на него, но щёки её чуть порозовели, и она стала что-то яростно писать в блокноте, как будто хотела доказать ему и себе, что ей всё равно.

ГЛАВА 4

Он сидел и молчал. Смотрел на её склонённую голову, на прядь, упавшую на щёку, на то, как она покусывает колпачок ручки, — и

понимал, что счастлив так, как не был счастлив очень давно. Не от победы. От того, что она позволила ему остаться.

Так прошло около часа. Дейли писала, зачёркивала, снова писала.

Мартин пил остывший эспрессо и не произнёс ни слова. И в этом молчании между ними росло что-то, чему ещё не было названия.

Потом она закрыла блокнот и посмотрела на него.

— Всё, я иду домой.

— Я провожу.

— Не нужно.

— Я не прикасаюсь, не болтаю. Просто иду в двух шагах. Это не преступление.

Дейли вздохнула, собрала вещи и вышла. Он вышел следом.

Они шли по Кленовой, и между ними было ровно два шага

расстояния — достаточно, чтобы это не было «вместе», и достаточно

близко, чтобы весь район видел их вдвоём. Дейли смотрела вперёд, но Мартин заметил, что она не надела наушник, хотя достала его из

сумки и держала в руке.

У калитки она остановилась.

— Дальше не надо, — сказала она, не оборачиваясь.

— Хорошо.

Она помедлила, потом всё же обернулась.

— Спасибо за книгу. И за то, что молчали. Это было... неожиданно.

16

— Для меня тоже.

Она слабо улыбнулась — впервые без колкости, просто устало, по-человечески, — и скрылась за зелёной дверью.

Мартин постоял ещё минуту, глядя на закрытую дверь, потом сунул книгу под мышку и пошёл прочь, насвистывая.

Он не знал, что в этом самом доме, в глубине ящика стола, у Дейли уже неделю лежало распечатанное досье на него: имя, фамилия, должность отца, фотографии с городских мероприятий, которые она

находила по ночам, когда не могла уснуть. Она тоже наводила справки. И от этого ей было не по себе куда больше, чем от его слежки.

Ведь следить за человеком — это одно. А искать его в новостях по ночам, боясь, что он окажется не тем, кем кажется, — совсем другое.

Дейли закрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной и медленно сползла на пол. Сердце колотилось. Она понимала, что всё зашло слишком далеко, — и одновременно не хотела, чтобы это заканчивалось.

Следующие дни Дейли жила так, будто шла по канату, натянутому между двумя жизнями. Днём она была писательницей: садилась за ноутбук, заставляла героиню принимать решения, которые сама не решалась принять, и к вечеру валилась с ног от той странной усталости, какую даёт только честная работа. А по вечерам она становилась кем-то другим — женщиной, которая ждёт шагов за окном, прислушивается к шороху шин и ненавидит себя за это

ожидание.

Мартин не приходил. После того часа в кафе он снова исчез, и теперь это молчание действовало на неё сильнее, чем все его прежние появления. Она поймала себя на том, что каждый день находит повод пройти мимо «У Лоры», хотя дорога к дому шла в другую сторону. Она даже дважды садилась за тот самый столик у окна, нарочно спиной к двери, чтобы не видеть, входит он или нет, — и оба раза уходила раньше, чем допивала кофе.

На пятый день она не выдержала и поехала в центр — туда, где, по её распечаткам, находилась отцовская приёмная. Она сказала себе, что это исследование: ей нужен материал, город, фактура для книги.

Но, стоя на другой стороне улицы и глядя на высокое здание из стекла и камня, она понимала, что врёт себе. Она пришла не за материалом.

17

Она пришла увидеть его.

Мартин вышел из дверей около четырёх. Не один — с ним был пожилой мужчина в дорогом костюме, который что-то говорил ему, размахивая рукой, а Мартин слушал, кивал и смотрел в телефон.

Дейли отступила за угол, сердце ухнуло вниз. Он был другим здесь — собранным, деловым, в рубашке с закатанными рукавами, с лицом человека, который привык, что его ждут. Она не узнавала в нём того, кто сидел напротив неё в кафе и молчал целый час.

И всё же это был он.

Она смотрела, как он прощается с женщиной, как садится в машину — не в ту чёрную, а в другую, с водителем, — и как машина выезжает со двора. Дейли стояла за углом, прижав ладонь к стене, и чувствовала себя воровкой, которую вот-вот поймают.

Она не знала, зачем ей это. Знала только, что ей нужно было убедиться: он настоящий, он существует в этом чужом, глянцевом мире, где всё решают фамилии и должности. И теперь, убедившись, она испугалась ещё сильнее. Потому что пропасть между ними стала не меньше, а больше — она вдруг увидела её во весь рост.

В тот вечер Мартин позвонил ей.

Она вздрогнула, увидев незнакомый номер, но трубку взяла — слишком быстро, чтобы успеть себя остановить.

— Алло.

— Это Мартин.

— Я знаю.

— Знаете, — повторил он, и в голосе его послышалась улыбка. — Значит, номер мой у вас есть.

— Вы сами позвонили. Номер определился.

— А вы ответили.

Дейли замолчала, прижав трубку к уху. За окном темнело, и липа шумела под ветром, который принёс откуда-то запах приближающейся грозы.

— Зачем вы звоните? — спросила она наконец.

— Потому что не пришёл сегодня. Хотел, чтобы вы знали: я держу слово. Учусь ждать.

— Тогда зачем звоните?

Она пришла к реке без четверти семь, хотя обещала себе опоздать.

Гроза так и не разразилась: весь день небо висело над городом тяжёлое, сизое, как натянутая простыня, и к вечеру воздух стал

18

плотным, липким, пропитанным электричеством. Дейли стояла у перил, смотрела на воду и сжимала в кармане лёгкой куртки телефон, как будто он мог дать ей смелости.

Мартин ждал её на том же месте, где они встретились в прошлый раз. Он пришёл раньше — конечно, пришёл, — и стоял, опершись спиной о гранитный парапет, скрестив руки. Увидев её, не двинулся с места, только выпрямился медленно, и что-то в этом спокойствии — в том, как он не бросился навстречу, а дал ей подойти самой, — вдруг успокоило её сильнее любых слов.

— Вы не умеете опаздывать, — сказал он вместо приветствия.

— Я и не пыталась.

— Значит, вам тоже не терпелось.

Дейли не ответила. Встала рядом, положила ладони на нагретый за день гранит и уставилась на тёмную воду. Река пахла тиной и летней грозой, и где-то над дальним берегом, за крышами, беззвучно вспыхивала молния.

— Почему вы пришли? — спросил Мартин.

— Сама не знаю.

— Врёте.

— Возможно.

Он хмыкнул и замолчал. Они стояли плечом к плечу, не касаясь, и между ними снова текло то странное молчание, в котором было больше слов, чем в любом разговоре. Дейли чувствовала его присутствие всем телом — жар, исходивший от него, запах, едва уловимый, не парфюм, а что-то свежее, как будто он только что умылся холодной водой.

— Я весь день думал, о чём буду с вами говорить, — сказал он. — И понял, что не хочу говорить. Хочу просто, чтобы вы были рядом.

— Это очень удобная позиция. Ничего не обещать и ничего не требовать.

— А вы требуйте.

Она повернула голову и посмотрела на него. В сумерках его лицо казалось вырезанным из тени — острые скулы, тёмные глаза, в которых отражались далёкие огни набережной.

— Требую правду, — сказала она. — Кто вы такой, Мартин? Только не «сын главы города». Кто вы на самом деле?

19

Он долго смотрел на неё, и Дейли видела, как в его глазах что-то движется — не игра, не расчёт, а усилие, с которым человек решает, открыться или отступить.

— Я человек, который очень давно перестал понимать, чего хочет, — сказал он медленно. — У меня есть всё, что должно делать человека счастливым. И от всего этого меня тошнит. Я просыпаюсь утром и не знаю, зачем. Я иду на встречи, подписываю бумаги, улыбаюсь

людям, которых презираю. И так день за днём. А потом я увидел вас на крыльце — и впервые за годы мне захотелось не убежать.

Дейли сглотнула. В горле стало сухо.

— Это не любовь, — сказала она тихо. — Это вы устали от своей жизни, а я подвернулась.

— Может быть, — согласился он. — Может, и так. Но я не хочу проверять.

— Почему?

— Потому что учиться трудно, — сказал он тихо. — Я сдаюсь по чуть-чуть. Но честно.

Она не знала, что ответить. В горле стоял ком, и было до слёз досадно, что один его голос — просто голос в трубке — выбивает из неё всю её выдержку.

— Я видела вас сегодня, — сказала она вдруг.

Тишина в трубке стала плотной.

— Где?

— У приёмной. Я проходила мимо.

— Проходили мимо, — медленно повторил он. — Дейли, вы же знаете, что это не «мимо».

— Может быть.

— Значит, мы оба теперь друг за другом следим. Это уже не односторонняя игра.

Она рассмеялась — коротко, нервно, сама не ожидая от себя этого смеха.

— Похоже на то, — сказала она.

— Тогда, может, перестанем играть? — спросил он. — Просто встретимся. Не случайно. По-настоящему. Вы и я.

Дейли закрыла глаза. Сердце колотилось так, что она слышала его в тишине комнаты. Она знала, что должна отказаться. Должна. Но вместо этого услышала свой голос:

— Завтра. В семь. У реки.

20

— Я приду, — сказал он. — Раньше приду.

— Не надо раньше. Я не люблю, когда меня ждут.

— А я люблю ждать вас. Привыкайте.

Он отключился первым. Дейли ещё долго сидела с телефоном в руке, глядя на погасший экран, и улыбалась в темноту, сама не понимая, что делает.

За окном ударил первый дальний гром. Гроза шла на город — медленно, тяжело, как всё, что назревало между ними этим летом.

— Потому что мне страшно, что это окажется правдой. И тогда я снова останусь в той пустоте.

Она молчала. Молния вспыхнула ближе, и через несколько секунд гром прокатился по небу — низкий, ворчливый, как недовольный зверь. Ветер рванул с реки, поднял её волосы, бросил прядь на лицо. Дейли убрала её рукой, не отводя от него глаз.

— Вы знаете, что со мной очень трудно, — сказала она.

— Знаю.

— И что я не умею доверять.

— Знаю.

— И что после Тима я вообще никого к себе не подпущу.

Мартин шагнул ближе. Медленно, давая ей время отступить. Она не отступила.

— Я не прошу подпускать, — сказал он, и голос его стал ниже. — Я прошу только не отворачиваться.

Он поднял руку и осторожно, одними кончиками пальцев, убрал прядь с её щеки. Дейли замерла. Его пальцы были тёплыми, сухими, и от этого лёгкого касания по всему её телу прошла дрожь — как от молнии, вспыхнувшей над рекой.

— Можно? — спросил он шёпотом.

Она не спросила, что именно «можно». Просто кивнула.

И тогда он наклонился и поцеловал её.

Это был не тот поцелуй, которого она ждала, — не наглый, не требовательный. Он поцеловал её осторожно, едва коснувшись губами, как будто боялся, что она растает или убежит. Дейли стояла, не дыша, и сердце её колотилось где-то в горле, и в голове было пусто и шумно, как после удара грома.

Он отстранился первым. Посмотрел ей в глаза, всё ещё держа ладонь у её щеки.

— Скажи, что я всё испортил, — прошептал он.

21

— Не скажу, — ответила она, сама не узнавая свой голос.

Он снова её поцеловал — на этот раз глубже, увереннее, и она ответила, не раздумывая, как будто тело её давно уже всё решило за неё, пока разум спорил сам с собой.

Хлынул дождь.

Он обрушился на набережную разом, стеной, тёплый и яростный, как будто небо наконец прорвало. Дейли вздрогнула, Мартин рассмеялся, не отрываясь от неё, и накрыл её голову ладонями, притянул к себе ближе.

Они целовались под дождём, мокрые насквозь в одну минуту, и вода стекала по их лицам, смешиваясь, и Дейли чувствовала, как где-то внутри неё рушится стена, которую она строила неделями.

— Пойдём, — выдохнул он ей в губы. — Ты промокнешь.

— Уже промокла, — засмеялась она, и смех этот был свободным, лёгким, каким не был давно.

Он схватил её за руку, и они побежали по набережной сквозь ливень, как дети, мимо мокрых фонарей и луж, в которых дрожали огни.

Дейли бежала, задыхаясь от смеха, не чувствуя ног, и думала только об одном: вот так, наверное, и начинается то, чего нельзя повернуть назад.

ГЛАВА 5

Они добежали до конца набережной, где под старым каштаном, раскинувшим мокрые лапы, стояла его машина. Мартин распахнул

дверцу, почти втокнул её внутрь, обежал капот и сел за руль, отряхиваясь по-собачьи.

В салоне разом стало тесно и душно от их мокрой одежды, от дыхания, от запаха дождя, который они принесли с собой.

— Вот теперь я точно выгляжу как бездомная, — сказала Дейли, глядя на свои прилипшие к ногам джинсы.

— Выглядишь как женщина, которая только что целовалась под ливнем, — ответил он. — Это лучшее, что я видел.

Она фыркнула и отвернулась к окну, но улыбку не смогла спрятать — она распирала её изнутри, тёплая, глупая, детская. Волосы липли к щекам, с ресниц капало, и всё тело дрожало, но не от холода, а от того напряжения, которое всё ещё гудело в ней после его губ.

Мартин завёл мотор, и дворники заматались по стеклу, разгоняя потоки. Он повернулся к ней, положил руку на спинку её сиденья, не

касаясь, но так близко, что она чувствовала жар его ладони у своего плеча.

— Куда? — спросил он.

— Домой, наверное.

— К тебе или ко мне?

Дейли посмотрела на него. В полутьме салона глаза его блестели, и в них был вопрос, который он не произносил, но который она прочитала без труда. Он не давил. Он просто спрашивал, оставляя ей выход, — и от этого выход искать не хотелось.

— К тебе, — сказала она тихо. — Я не хочу сегодня одна.

Он не стал уточнять, не стал улыбаться победно, как она втайне ждала. Просто кивнул, тронул машину с места, и они поехали сквозь ливень, по затопленным улицам, где фонари размазывались по асфальту жёлтыми кляксами.

Он жил высоко. Дейли поняла это, когда они поднялись в лифте и он отпер дверь, пропуская её вперёд. Квартира была большая, полупустая, с панорамными окнами, за которыми горел весь город

— мокрый, дрожащий, раскинувшийся до самого горизонта. Дождь барабанил по стеклу, и этот звук заполнял тишину, пока они стояли в прихожей, не зажигая верхнего света.

— Полотенце, — сказал он, куда-то ушёл и вернулся с большим белым полотенцем, которое накинул ей на плечи. — Ты дрожишь.

— Это не от холода.

Он замер, держа её за плечи поверх полотенца. Потом медленно, ладонями, стал растирать её через махровую ткань — плечи, руки, спину, — и в каждом его движении было больше, чем забота. Дейли

стояла, опустив голову, чувствуя, как его ладони ходят по её телу, как мокрая футболка липнет к груди, как соски, твёрдые от холода и возбуждения, трутся о ткань.

— Дейли, — позвал он хрипло.

Она подняла лицо.

— Если ты сейчас скажешь «нет», я остановлюсь, — сказал он. — Но если ты останешься, я не обещаю, что смогу вести себя хорошо.

Она смотрела ему в глаза и чувствовала, как всё, что она столько дней держала в себе, — страх, злость, одиночество, голод по прикосновениям, — поднимается к самому горлу. Она не хотела больше держать.

— Я не хочу, чтобы ты вёл себя хорошо, — сказала она.

23

Это прозвучало тише, чем она рассчитывала, но он услышал. Что-то дрогнуло в его лице — и он поцеловал её, уже без осторожности, жадно, глубоко, прижимая к себе так, что она почувствовала его

всего — твёрдого, горячего, напряжённого сквозь мокрую одежду.

Он стянул с неё куртку, она сама — неловко, торопясь — вытащила полы футболки из джинсов, и он помог ей снять её, и на секунду отстранился, глядя на неё. В полутьме, с размазанным по телу светом городских огней, она стояла перед ним в одном белье, мокрая, взлохмаченная, и грудь её быстро поднималась и опускалась.

— Ты красивая, — сказал он. — Даже не знаешь, какая.

Она хотела возразить, но он не дал — наклонился, подхватил её под бёдра, поднял, и она обхватила его ногами за талию, вцепилась в его плечи. Он понёс её через полумрак комнаты, и город за окном качался и плыл, и дождь стучал по стеклу, как тысяча нетерпеливых пальцев.

Он опустил её на постель — огромную, холодную, пахнущую свежим бельём — и накрыл собой, не разрывая поцелуя. Его руки скользили по её телу, сминая, изучая, и там, где они проходили, кожа загоралась. Он стащил с неё джинсы, она выгнулась ему навстречу, и он на секунду оторвался от её губ, чтобы стянуть с себя футболку, — и Дейли увидела его грудь, плечи, тёмную дорожку волос, уходящую за пояс, и перехватило дыхание.

— Не смотри так, — прошептал он, наклоняясь к её шее.

— Как?

— Как будто я тебе снюсь.

— Может, и снишься, — выдохнула она, откидывая голову, когда его губы коснулись ямки у ключицы.

Он целовал её медленно, невыносимо медленно — шею, ключицы, ложбинку между грудей, — и Дейли извивалась под ним, впиваясь

пальцами в его плечи. Он расстегнул её лифчик, и его ладони накрыли её грудь, тёплые, широкие, и большие пальцы медленно обвели соски, уже твёрдые, ноющие, — и она всхлипнула, выгнулась сильнее, притянула его к себе.

— Мартин, — простонала она, сама не узнавая свой голос. — Пожалуйста.

24

— Что «пожалуйста»? — спросил он, оторвавшись от её груди, и в голосе его была та самая наглая усмешка, от которой у неё всё внутри переворачивалось.

— Не мучай.

— А я и не мучаю. Я запоминаю.

Он стянул с неё белье одним движением, и она осталась перед ним обнажённая, раскинувшаяся на его постели, под шум дождя и свет чужого города. Мартин смотрел на неё сверху, и в его взгляде было столько голода, что Дейли стало жарко, несмотря на холодную кожу. Он наклонился и поцеловал её живот, ниже, ещё ниже, и она

вскрикнула, когда его губы нашли её, — и мир за окном растворился, остались только его рот, его язык, его дыхание на её коже, и она

выгибалась, цепляясь за простыни, и шептала его имя, и не могла больше ни о чём думать.

Она кончила в первый раз быстро — остро, с всхлипом, вцепившись ногтями ему в затылок, и он не отпускал её, пока тело её не перестало дрожать. Потом поднялся над ней, вытер губы тыльной стороной ладони, и Дейли, распахнув глаза, увидела, каким он стал, — с тёмным, шальным взглядом, с припухшими губами, с тяжело поднимающейся грудью.

— Теперь я знаю, как ты звучишь, — сказал он хрипло.

— Заткнись, — выдохнула она, но сама потянула его к себе.

Он стащил с себя джинсы, отшвырнул их в темноту, и она почувствовала его — твёрдого, горячего, прижатого к её бедру. Он накрыл её собой, опёрся на локти по обе стороны от её головы, и на секунду замер, глядя ей в глаза так, будто спрашивал без слов последний раз. Дейли сама обхватила его ногами за поясницу и притянула к себе.

— Да, — сказала она. — Не спрашивай больше.

Он вошёл в неё одним медленным, неумолимым движением, и Дейли задохнулась, выгнулась, чувствуя, как он заполняет её всю, до предела, до той грани, где боль и наслаждение уже не различить.

Мартин замер, давая ей привыкнуть, зарылся лицом в её шею, и она слышала его сбившееся дыхание у самого уха, чувствовала, как дрожат его руки.

— Ты узкая, — прошептал он. — Тесная. Боже.

Он начал двигаться — медленно сначала, глубоко, выходя почти до конца и снова погружаясь до упора, и Дейли ловила ртом воздух, впивалась в его спину, оставляя на коже красные полосы. Каждый толчок отдавался в ней волной, поднимался от низа живота к горлу, и она уже не понимала, чьё имя шепчет — его или своё.

— Сильнее, — попросила она, и он подчинился.

Кровать заскрипела в такт. Дождь за окном стучал по стеклу, как будто вторя им, город внизу горел мокрыми огнями, и Дейли казалось, что они одни во всём этом огромном, залитом ливнем мире — двое, сплетённых в темноте, на мокрых от пота простынях.

Мартин приподнялся, не выходя из неё, подхватил её под бёдра, меняя угол, и Дейли вскрикнула — так глубоко он вошёл, что она

почувствовала его всем нутром. Он снова опустился к ней, поймал её

губы, поцеловал жадно, заглушая её стоны, и двигался всё быстрее, сбиваясь с ритма, и она чувствовала, как внизу её живота снова

закручивается тугая, горячая спираль.

— Не останавливайся, — выдохнула она. — Мартин, не смей.

Он не остановился. Ускорился, вжимаясь в неё, и его дыхание стало рваным, хриплым, и мышцы на его спине ходили под её ладонями, как канаты. Дейли чувствовала, как он нарастает в ней, как

напрягается всё его тело, — и это довело её до края быстрее, чем его губы.

Она кончила второй раз с криком, который не смогла сдержать, —

тело её выгнулось дугой, ноги сжали его бёдра, и в эту секунду он тоже сорвался: с глухим стоном, уткнувшись лицом ей в плечо, он вошёл до конца и замер, содрогаясь, изливаясь в неё глубоко, жарко, так, что она почувствовала каждую его судорогу.

Они лежали, не разнимая объятий, пока дыхание не выровнялось. Дождь за окном стихал, превращаясь в ровный шелест. Мартин перекатился на бок, увлекая её за собой, и Дейли легла головой ему на грудь, слушая, как под ухом бьётся его сердце — уже спокойнее, ровнее.

— Я всё-таки испортил, — сказал он тихо, целуя её в макушку.

— Что именно?

— Собирался быть терпеливым. Ждать. А вместо этого...

— Я сама сказала «да».

— Всё равно. Я обещал себе не торопиться.

Дейли приподнялась на локте и посмотрела на него. В свете гаснущего города лицо его было расслабленным, почти беззащитным, и она впервые видела его таким — без маски, без

26

усмешки, просто мужчину, который лежит рядом с ней и не знает, что будет дальше.

— Знаешь, что я поняла за эти недели? — сказала она.

— Что?

— Что ты умеешь быть разным. Наглым, злым, нежным. Но вот таким, как сейчас, — ты мне нравишься больше всего.

Он улыбнулся, не открывая глаз.

— Запомню.

— Только не вздумай зазнаться.

— Поздно.

Она легла обратно, и он накрыл её одеялом, притянул к себе, закинув руку ей на талию.

За окном догорали огни, город затихал, и

Дейли, засыпая в чужой постели, впервые за долгое время не чувствовала себя одинокой.

Ей было страшно. Но этот страх был тёплым, как вода, в которуюходишь, уже зная, что не утонешь.

Проснулась она от запаха кофе.

Первые секунды Дейли не понимала, где находится. Потолок был чужой, высокий, с серой тенью от незнакомой люстры; окна во всю стену тонули в молочном утреннем свете, и где-то за ними, едва слышно, шумел проснувшийся город. Она лежала в огромной постели, в коконе из сбитых простыней, и всё тело её ныло — приятно, сладко, как после долгого бега.

Рядом никого не было. Но подушка с другой стороны хранила вмятину от его головы, и на ней, свернувшись, лежала её заколка.

Дейли села, прижимая одеяло к груди, и огляделась. Вчерашняя квартира, которую она видела только в полутьме, оказалась ещё больше, чем ей помнилось: светлая, почти пустая, с дорогой мебелью, к которой никто не прикасался, и с этим панорамным окном, за которым внизу, как на ладони, лежал весь город. Всё здесь было не его — слишком правильное, слишком новое. Дейли вдруг ясно поняла, что Мартин не живёт в этой квартире, а только ночует в ней.

На кухне что-то звякнуло. Она натянула его футболку, валявшуюся на полу, — белую, мягкую, пахнущую им и вчерашним дождём, — и на цыпочках вышла в коридор.

Мартин стоял у плиты, спиной к ней, в одних домашних штанах, и варил кофе в маленькой турке. Свет из окна ложился на его голую

спину, на лопатки, на ещё не просохшие после душа волосы. Дейли замерла в дверях, прислонившись к косяку, и смотрела на него, не решаясь выдать своё присутствие. В этом было что-то до невозможности интимное — простое, будничное, чего она не ждала после вчерашнего.

— Я знаю, что ты стоишь там, — сказал он, не оборачиваясь.

— Как?

— Чувствую. И ещё ты дышишь, как человек, который решает, сбежать ему или остаться. Дейли усмехнулась и вошла.

— А я решаю?

— Решала. Секунду. Потом осталась.

Он повернулся, и улыбка его медленно сползла, когда он увидел её

— босую, в его футболке, доходившей ей до середины бедра, со спутанными волосами и заспанным лицом. Он смотрел на неё так, как не смотрел вчера даже в самый жаркий момент, — растерянно, почти благоговейно.

— Что? — спросила она, смутившись.

— Ничего. Просто ты сейчас... в моей футболке. Это сносит мне крышу сильнее, чем всё вчерашнее.

Дейли фыркнула и подошла к окну, обхватив себя руками. Город внизу просыпался: первые машины, редкие прохожие с зонтами — хотя дождь уже кончился, — мокрые крыши, блестящие на солнце.

Она смотрела вниз и чувствовала, как он подходит сзади, как кладёт руки ей на плечи, как прижимается губами к затылку.

— Не сбежала, — сказал он ей в волосы.

— Ещё не решила.

— Врёшь.

Он обнял её со спины, притянул к себе, и она откинулась на него, закрыв глаза. Так они стояли у окна, молча, и город за стеклом жил

своей жизнью, а они — своей, отдельной, только что родившейся и оттого особенно хрупкой.

— Кофе остынет, — сказала она наконец.

— Пусть.

— Мартин.

— Что?

28

— Я серьёзно. Я хочу кофе. И завтрак. И желательно без твоих рук у меня на животе, иначе мы опять окажемся в постели, а я не готова к тому, что это станет нашей единственной привычкой.

Он рассмеялся, развернул её к себе лицом, всё ещё держа за талию.

— А что плохого в такой привычке?

— Всё. Ты так и не рассказал мне, кто ты на самом деле. А я не сплю с теми, кого не знаю.

— Поздно, — сказал он тихо. — Ты уже спишь.

— Спишь — это не то же, что переспала. Я о регулярности.

Он покачал головой, отпустил её и вернулся к плите. Дейли села за барную стойку, поджав ноги, и наблюдала, как он разливает кофе по двум чашкам, как двигаются мышцы под кожей его спины.

Вчерашняя жадность никуда не делась — она просто спряталась глубже, притаилась, и Дейли знала, что долго не продержится.

— Ладно, — сказал он, ставя перед ней чашку. — Спрашивай. Всё, что хочешь. Я отвечу.

— Просто так? Без «а ты»?

— Просто так.

Она обхватила чашку ладонями, глядя на тёмную, пахнущую кардамоном жидкость, и подумала, что вопросов у неё слишком много, а времени — слишком мало. Вернее, наоборот: времени теперь, кажется, было много. И от этого становилось страшно, потому что она не привыкла, чтобы у неё с кем-то было много

времени.

— Почему ты тогда остановился у моего дома? — спросила она.

— Увидел тебя на крыльце. Ты что-то печатала и улыбалась своему тексту. Я не смог проехать.

— И решил, что я твоя?

— Нет. Решил, что хочу узнать, кто ты.

— А потом навёл справки.

— Это уродливо, я знаю. Но у меня не было другого способа. Ты бы не стала со мной разговаривать просто так.

Дейли отпила кофе, не сводя с него глаз.

— Ты прав, — сказала она. — Не стала бы.

— Вот видишь.

Она опустила взгляд. Вчерашняя ночь, поцелуй под дождём, его руки, его голос — всё это вдруг показалось ей невероятным, как будто случилось не с ней, а с героиней той книги, которую она никак

29

не могла дописать. Она боялась, что, если моргнёт, всё исчезнет, и она снова окажется одна в своём доме с зелёной дверью, у окна, прислушиваясь к шагам.

— Мартин, — сказала она тихо. — А что дальше?

Он облокотился на стойку напротив неё, взял её свободную руку и переплёл пальцы со своими.

— Дальше — завтрак, — сказал он. — А потом ты вернёшься к своей книге, а я — к своим дурацким бумагам. А вечером я приеду и увезу тебя снова. И так до тех пор, пока ты не поймёшь, что никуда от меня не денешься.

— Звучит как приговор.

— Это и есть приговор. Пожизненный.

Она улыбнулась, сама не заметив этого, и сжала его пальцы.

— Мне страшно, — призналась она.

— Мне тоже.

— Тогда зачем всё это?

— Потому что бояться вместе не так страшно, как бояться одному.

Дейли долго смотрела на него, на их сплетённые руки, на две остывающие чашки, на город за окном, который уже окончательно проснулся, — и впервые позволила себе не думать наперёд. Просто

быть здесь. Просто держать его за руку и не убегать.

А где-то на другом конце города, на вокзале, с чемоданом на колёсиках и билетом в один конец, уже стояла женщина, которую Дейли не видела два года. Она смотрела на табло, вертела в руках телефон и решала, позвонить сестре сейчас или сначала доехать. Женщину звали Вера.

И она тоже ехала к этому лету.

ГЛАВА 6

Вера стояла у табло, пока не объявили её поезд, — не потому, что не знала номер платформы, а потому, что всё ещё не решила, звонить Дейли или нет. За два года они говорили от силы раз пять, и каждый разговор заканчивался одинаково: Дейли сухо интересовалась, как дела, Вера отвечала «нормально», и обе вешали трубку с облегчением. Сестринская любовь у них была — но та, что существует на расстоянии, по праздникам, в коротких сообщениях. Чемодан дёрнулся под рукой, когда Вера наконец сдвинулась с места и пошла к выходу на перрон. Пахло железом, соляжкой и

30

мокрым после ночного дождя асфальтом. Она ехала в город, где не была с похорон матери, — и возвращаться не хотела, и не возвращаться не могла: в том городе, откуда она уехала, у неё больше не было ничего, за что стоило бы держаться. Работа закончилась, квартира снята, мужчина, с которым она жила, оказался тем самым, кого она описала бы в двух строках, если б кто-то спросил. Но никто не спрашивал.

Она села в вагон, прижала чемодан к окну и, когда поезд тронулся, набрала сообщение Дейли. Не позвонила — побоялась голоса.

Написала, как пишут чужим: «Привет. Я приеду завтра утром. Можно у тебя перекантоваться пару дней, пока не найду жильё?»

Ответ пришёл быстро, и от этого Вере стало не по себе: значит, сестра держала телефон в руке, значит, читала сразу.

«Приезжай. Адрес тот же. Ключ под горшком с геранью, если меня не будет дома».

И всё. Без вопросов, без «почему так внезапно», без единого тёплого слова. Вера усмехнулась и убрала телефон в сумку. Дейли не изменилась — та же закрытая, колючая, при всей своей внешней вежливости. Но ключ под геранью оставила. Значит, пустит.

За окном поезда проплывали мокрые перелески, полустанки, серые коробки дачных посёлков, и Вера смотрела на них, не видя. Она думала о том, что возвращается в город, где её никто не ждёт, кроме сестры, которая не умеет ни ждать, ни прощать. И ещё она думала — впервые, с каким-то смутным предчувствием, — что это лето что-то перевернёт. Плохое или хорошее, она не знала. Но перевернёт.

Дейли в это время сидела на кухне у Мартина, допивала остывший кофе и смотрела, как он, уже одетый в свежую рубашку, стоит у зеркала в прихожей и застёгивает манжеты. Вчерашняя близость всё ещё жила в теле — в том, как она двигалась, как садилась, как ловила на себе его взгляд. Он то и дело оборачивался, и каждый раз его глаза темнели, будто он снова видел её на своей постели.

— Мне пора, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я знаю. — Но я не хочу.

— Я тоже не хочу, чтобы ты уходил. Но у меня книга, у тебя — приёмная. Так что иди.

Он повернулся, подошёл к ней, упёрся ладонями в стойку по обе стороны от её тарелки и наклонился близко, так, что она почувствовала его дыхание на губах.

31

— Ты проводишь меня до двери, как полагается?

— А как полагается?

— Хотя бы поцелуем.

Она закатила глаза, но встала, обхватила его за шею и поцеловала — медленно, не торопясь, позволяя себе то, что ещё вчера казалось невозможным. Он ответил, прижал её к себе, и на секунду оба забыли, что он куда-то опаздывает.

— Всё, — выдохнула она, отстраняясь. — Иди. Пока я не передумала и не утащила тебя обратно.

— Это угроза или обещание?

— Это то, что ты услышишь вечером.

Он усмехнулся, чмокнул её в лоб, как будто они были вместе сто лет, и вышел. Дверь щёлкнула. Дейли осталась одна в его огромной, пустой квартире, и тишина обрушилась на неё разом.

Она постояла, прислушиваясь к затихающим шагам за дверью, потом подошла к окну и долго смотрела на город. Внизу, у подъезда, он вышел — маленький с такой высоты, — сел в машину и уехал.

Она проводила машину взглядом, пока та не растворилась в потоке.

Странное дело: ей не было тоскливо. Ей было спокойно — впервые за долгие недели. Как будто вчерашняя ночь не добавила ей тревог, а сняла половину.

Она прибралась на кухне — просто чтобы подержать в руках его чашки, его турку, его вещи, — потом приняла душ в его ванной, смыла с себя вчерашний дождь и его запах, но, вытираясь, поймала

себя на том, что жалеет об этом. Потом натянула свою мятую одежду, вышла из квартиры и поехала домой, к своей зелёной двери, к ноутбуку, к книге, которая ждала её с такой же терпеливой тоской.

По дороге пришло сообщение от Веры. Дейли прочитала его в метро, и у неё упало сердце — не от радости и не от злости, а от того

странного чувства, какое бывает, когда жизнь, едва наладившись, тут же подкидывает новое испытание. Вера. Сестра. Та самая, которая умела приезжать не вовремя.

Дейли ответила коротко, как всегда, и спрятала телефон. В голове уже крутилось, что придётся рассказывать Вере про Тима, про Мартина, про всё, что навалилось, — или, наоборот, ничего не рассказывать и смотреть, как сестра всё поймёт сама по её лицу.

32

Вера всегда понимала по лицу. Это было в ней и хорошим, и невыносимым.

Дома Дейли села к ноутбуку и заставила себя открыть файл. Строчки поползли медленно, но пошли. Героиня её как раз стояла у окна и смотрела на дорогу, по которой уезжал мужчина, которого она не

хотела отпускать, — и Дейли впервые не выдумывала её чувства, а просто переписывала свои.

К вечеру она написала почти пять страниц и сама удивилась: так легко ей не работалось с тех пор, как началась эта книга. Она откинулась на стуле, потянулась, глядя на гаснущее за окном небо, и в этот момент в дверь постучали.

Не позвонили. Постучали — коротко, требовательно, по-хозяйски. Дейли замерла. Она никого не ждала. Мартин должен был приехать позже, и он, кажется, уже знал, что у неё звонок, а не стук. Этот стук был другой — наглый, с присвистом, как будто человек за дверью был уверен, что ему откроют.

Она подошла, глянула в глазок.

На крыльце стоял незнакомый мужчина в дорогом костюме, с папкой в руке и таким лицом, будто он пришёл не в гости, а с проверкой. Он снова поднял руку и постучал — уже громче. Дейли помедлила, потом всё же открыла.

— Вы к кому?

— Вы Дейли Харт? — спросил он, не представившись.

— Допустим.

— Вам просили передать. — Он протянул ей папку. — Скажите, что вы с ней ознакомились.

— Кто просил?

— Увидите.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь, — к чёрной машине, припаркованной у тротуара. Дейли проводила его взглядом, потом посмотрела на папку в своих руках. Та была тяжёлая, холодная, без единой надписи.

Она вернулась в дом, села за стол и открыла её.

Внутри лежали фотографии. Много. Она, Мартин — на набережной, у кафе, вчерашний поцелуй под дождём, как они входят в его подъезд. Снято издалека, но чётко, профессионально.

И записка, отпечатанная на принтере, без подписи:

«Оставьте его. Или это увидит весь город».

33

Дейли сидела, не шевелясь, и смотрела на записку, пока буквы не начали расплываться. Она перечитала её трижды, как будто надеясь, что смысл изменится. Смысл не менялся.

«Оставьте его. Или это увидит весь город».

В горле поднялся ком — не от страха, нет, страх придёт позже.

Сначала пришла злость. Та самая, холодная, ледяная, которая заставляет человека действовать, а не плакать. Кто-то следил за ней. Кто-то фотографировал, как она целуется под дождём, как входит в чужой подъезд, как проживает вчерашнюю ночь, которую она считала только своей. Кто-то знал о ней всё — и решил, что имеет право ставить условия.

Она перебрала фотографии. Набережная, где они стояли у перил. Кафе, куда она ходила писать. Вчерашний ливень, их сплетённые фигуры под дождём. Подъезд Мартина, и её силуэт, исчезающий в дверях. Снято профессионально, с одной точки, с долгим

объективом. Это был не случайный свидетель с телефоном. Это была работа.

Дейли откинулась на стуле и медленно выдохнула, пытаясь унять колотящееся сердце. В голове крутилось только одно: кто? Кому мешает её связь с Мартином? Отец? Его окружение? Какая-нибудь женщина, которая считает Мартина своим? Или сам Мартин — с его странным миром, где за людьми следят, а потом присылают папки с фотографиями, как будто это в порядке вещей?

Она взяла телефон. Пальцы дрожали, когда она открыла его номер, но она не нажала вызов. Остановилась. Если позвонить сейчас — она

расклеится, а она не хотела расклеиваться перед ним по телефону.

Сначала надо понять, чего от неё хотят. И главное — кто.

Дейли встала, прошлась по кухне, как зверь по клетке, потом снова села. Налила себе чаю, не заметив, что чайник холодный. Мысли скакали. Она всегда так — когда было по-настоящему страшно, она не плакала, а начинала соображать, быстро и зло, отгораживаясь от паники делом.

Первым делом — окна. Она обошла дом, задёрнула шторы во всех комнатах, проверила замок, хотя знала, что он заперт. Потом погасила верхний свет, оставив только лампу на столе. Ей вдруг показалось, что за ней наблюдают прямо сейчас, из темноты напротив, через липы, с той самой лавочки, где когда-то сидел Мартин.

34

Она снова села и посмотрела на папку. Потом набрала сообщение Мартину — короткое, без объяснений:

«Нам надо поговорить. Срочно. Приезжай, когда сможешь».

Ответ пришёл почти сразу, и от этой скорости ей стало одновременно легче и горше: он отвечал сразу, как будто держал телефон в руке, как будто ждал её сообщения весь день.

«Еду».

Дейли положила телефон экраном вниз и уставилась на фотографии.

Она смотрела на себя, застигнутую врасплох, на Мартина, на их близость, которую теперь, вырванную из контекста, можно было пересказать как угодно. Это и было самое мерзкое. Не сам факт съёмки, а то, что их счастье можно было превратить в компромат, в грязь, в то, от чего она будет отмываться ещё долго.

ГЛАВА 7

Она вдруг подумала о Вере. Сестра приезжает завтра утром. И вот это всё — тайны, угрозы, фотографии — свалится на неё, как только она переступит порог. Дейли не знала, что хуже: то, что Вера всё увидит, или то, что придётся объяснять.

Через двадцать минут у калитки зашуршали шаги. Дейли вскочила раньше, чем раздался звонок, открыла дверь. Мартин стоял на крыльце, и лицо его было настороженным — он сразу понял, что-то случилось, по её глазам, по тому, как она открыла, не спросив, кто. — Что произошло? — спросил он, входя.

Она молча взяла его за руку, провела на кухню и указала на стол.

— Смотри.

Мартин подошёл, склонился над столом. Она видела, как он берёт фотографии одну за другой, как желваки на его скулах начинают ходить, как темнеет его лицо. Он дошёл до записки, прочитал, и в тишине кухни стало слышно, как он скрипнул зубами.

— Когда это принесли? — спросил он, не поднимая глаз.

— Час назад. Мужчина в костюме. Сказал, что велено передать, и уехал на чёрной машине.

— Номер запомнила?

— Нет. Я не подумала.

Он кивнул, всё ещё глядя на фотографии. Потом медленно, очень медленно, собрал их в стопку, отложил и поднял на неё глаза. И
35

Дейли впервые увидела его по-настоящему злым — не тем показным азартом, с которым он преследовал её, а злым холодно, опасно, как человек, который сейчас пойдёт и всё решит.

— Ты в порядке? — спросил он, и голос его был ровным, как натянутая струна.

— Нет. Но я не из тех, кто падает в обморок.

— Знаю.

Он подошёл к ней, взял за плечи, заставил посмотреть на себя.

— Скажи мне честно. Ты испугалась?

— Да. Но не их. — Она помедлила. — Я испугалась, что ты в этом замешан. Что это твоя игра.

Мартин вздрогнул, как от пощёчины, и Дейли увидела, как что-то в его глазах полыхнуло болью — настоящей, неприкрытой.

— Я не играю с тобой, — сказал он тихо. — Никогда. Тем более так.

— Тогда кто?

Он отпустил её, отошёл к окну, отодвинул штору и посмотрел на тёмную улицу.

— Я знаю, кто это, — сказал он. — Вернее, знаю, откуда это. И мне очень не нравится, что оно коснулось тебя.

— Объясни.

Мартин повернулся. Лицо его было твёрдым, и в нём появилось что-то новое — не азарт, не нежность, а решимость человека, который понял, что игру пора заканчивать.

— Это не отец, — сказал он. — Но это его мир. Мир, в котором я вырос. Люди, которые считают, что всё решается папками с фотографиями. И они ошиблись, если думают, что я отступлю.

Дейли смотрела на него, скрестив руки на груди, и внутри у неё всё сжималось.

— Чего они хотят? — спросила она. — Чтобы ты не был со мной?

— Чтобы я был тем, кем им удобно. А ты этому мешаешь.

— И что ты будешь делать?

Он подошёл, взял её лицо в ладони и посмотрел долго, не мигая.

— То, что должен был сделать давно, — сказал он. — Я не отдам тебя. Ни им. Ни городу. Никому.

Он поцеловал её в лоб, прижал к себе, и Дейли стояла, уткнувшись ему в грудь, слушая, как гулко и зло бьётся его сердце. Ей было страшно. Но впервые этот страх не был одиночеством.

36

— Завтра приезжает моя сестра, — сказала она глухо, не поднимая головы.

— Хорошо.

— Это не хорошо. Она всё видит по лицу. И она не умеет молчать.

— Пусть видит. — Он погладил её по волосам. — Мне скрывать нечего. Мне не стыдно за нас.

Дейли закрыла глаза. За окном снова начинал накрапывать дождь — тихий, ночной, как будто лето не могло отпустить их без воды. Она стояла в его объятиях и думала о том, что завтра её жизнь снова изменится — то ли с приездом сестры, то ли с тем, что последует за этой папкой.

Она не знала, что обе перемены уже стоят у порога.

Вера приехала рано — поезд пришёл в шесть сорок, и она, не задерживаясь на вокзале, сразу взяла такси. Город встретил её сырым, вымытым ночным дождём, с блестящими тротуарами и липами, с которых капало. Она смотрела в окно на знакомые и одновременно чужие улицы, и в груди у неё шевелилось то неясное, тревожное чувство, с которым возвращаются туда, откуда когда-то сбежали.

Дом на Кленовой не изменился. Та же зелёная дверь, облупившееся крыльцо, герань под дождём. Вера поднялась по ступенькам, поставила чемодан, нашла под горшком ключ — он был на месте, холодный, шершавый, — и открыла дверь.

Внутри пахло домом: кофе, старой бумагой, чуть-чуть липовым цветом из приоткрытого окна. Вера вошла, тихо прикрыла за собой дверь и огляделась. На кухне горел свет. На столе — остывшая кружка, раскрытый ноутбук, и повсюду разложены какие-то бумаги, как будто сестра работала до глубокой ночи и уснула прямо за столом.

Она подошла ближе — и замерла.

На столе, поверх рукописей и распечаток, лежали фотографии.

Много. Вера взяла одну, поднесла к свету и почувствовала, как у неё всё внутри холодеет. Дейли. С мужчиной. На набережной, под дождём, у какого-то подъезда. А рядом — лист с отпечатанными строчками: «Оставьте его. Или это увидит весь город».

Вера медленно опустилась на стул, не сводя глаз с записки. Она приехала за теплом, за передышкой, за тем, чтобы перекантоваться

37

пару дней, — а попала в чью-то чужую, тёмную историю, которая, судя по всему, уже накрыла её сестру с головой.

— Так, значит, вот оно как, — прошептала она себе под нос.

В этот момент наверху скрипнула дверь, и по лестнице зашлёпали босые ноги. Вера вскинула голову. На нижней ступеньке стояла Дейли — заспанная, в мятой футболке, с растрёпанными волосами. Она замерла, увидев сестру, и по её лицу пробежала тень — не радость, не испуг, а та особая настороженность, с какой смотрят на человека, заставшего тебя врасплох.

— Ты уже здесь, — сказала Дейли.

— Поезд пришёл раньше.

— Я слышу.

Повисла пауза. Вера не встала, не бросилась обниматься — она вообще не была из тех, кто обнимается при встрече. Она просто смотрела на сестру, держа в руке фотографию, и ждала.

— Что это, Дейли? — спросила она наконец.

Дейли перевела взгляд на фотографию, потом на записку, и Вера увидела, как у неё поджались губы.

— Это не твоё дело.

— Ты оставила это на столе. Значит, оно теперь моё дело.

— Ты влезла в мой дом, не дождавшись меня, и роешься в моих вещах. Это не называется «дело».

Вера поднялась, аккуратно положила фотографию на стол, как кладут что-то опасное, и повернулась к сестре.

— Я не рылась. Оно лежало сверху. И, если честно, мне плевать, с кем ты спишь. Но если тебе присылают такое, — она кивнула на записку, — то тебе, кажется, нужна помощь. А помощь ты, как всегда, не попросишь, даже если будешь тонуть.

Дейли вспыхнула.

— Я не тону.

— Конечно. Поэтому у тебя под глазами синяки, а на столе — папка с угрозами.

Они стояли друг напротив друга — две сестры, между которыми всегда было слишком много невысказанного. Дейли смотрела на Веру и видела в ней всё то, что не любила в себе: ту же резкость, ту же привычку лезть в самую суть, то же умение бить словами. А Вера смотрела на Дейли и видела уставшую, загнанную женщину, которая из всех сил делает вид, что справляется одна.

38

— Почему ты приехала, Вера? — спросила Дейли тихо. — Только честно.

— Потому что мне больше некуда, — сказала Вера. И это прозвучало так просто, так голо, что у Дейли на секунду перехватило дыхание.

— Что случилось?

— Всё. Работа. Квартира. Мужик. Всё кончилось. Я села в поезд, потому что больше не знала, куда сесть.

Дейли молчала. Она смотрела на сестру — на её решительное, усталое лицо, на мокрые от дождя волосы, на чемодан, который та

так и не выпустила из рук, — и вдруг почувствовала, как злость уходит, оставляя после себя что-то тёплое и щемящее. Жалость. Но такую, которую нельзя показывать, потому что Вера её не выносила.

— Раздевайся, — сказала Дейли, отворачиваясь к плите. — Я сварю кофе.

Вера усмехнулась — той самой усмешкой, которую Дейли помнила с детства, когда старшая сестра выигрывала спор.

— Значит, разговор будет.

— Будет. Но сначала кофе.

Дейли загремела туркой, и в этом простом, домашнем звуке — в том, как она ставила воду, как доставала чашки, — было больше

примирения, чем в любых словах. Вера поставила чемодан у двери, стянула куртку и села за стол, придвинув к себе фотографии.

— Красивый, — сказала она, разглядывая Мартина.

— Замолчи.

— Серьёзно. Опасный такой. Породистый. Из тех, кто ломает, а потом долго жалеет.

— Ты его не знаешь.

— Я и тебя, выходит, не знаю, раз ты скрываешь от меня такое. — Вера отложила фотографию и посмотрела на сестру. — Рассказывай. Кто он, почему тебе угрожают и что ты собираешься делать.

Дейли поставила перед ней чашку и села напротив. За окном снова начинался дождь — мелкий, настырный, как будто это лето решило вымочить их всех до нитки.

— Его зовут Мартин, — начала она. — И он сын главы города.

Вера присвистнула.

— Ну, сестричка, ты вляпалась.

— Я не вляпалась. Я... — Дейли запнулась, подбирая слова, — я впервые за долгое время не хочу бежать.

39

— А он?

— Он, кажется, тоже.

— И при этом тебе присылают фотографии с угрозами. Это называется «не вляпалась»?

Дейли не ответила. Она смотрела в свою чашку, на тёмное отражение собственного лица, и чувствовала, как к горлу подступает то, что она так старательно давила всю ночь. Страх. И усталость. И ещё — странное, почти детское желание, чтобы кто-нибудь — вот прямо сейчас, вот эта самая колючая, невыносимая Вера — сказал ей, что всё будет хорошо.

Но Вера не умела говорить «всё будет хорошо». Она умела только говорить правду.

— Знаешь, что я думаю? — сказала Вера, отпивая кофе. — Я думаю, что ты впервые в жизни влюбилась не в удобного человека, а в

настоящего. И от этого у тебя крыша едет похлеще, чем от всех твоих книжных героев.

— Я не просила диагнозов.

— А ты их никогда и не просишь. Поэтому и живёшь так, как живёшь.

Дейли подняла на неё глаза, и на секунду между ними снова мелькнула та старая, детская вражда — но уже без огня, скорее по привычке, как мелькает тень от ветки за окном.

— Ты приехала меня спасать или добивать? — спросила Дейли.

— Пока не решила, — честно ответила Вера. — Но если эти люди думают, что могут запугать мою сестру, им стоит пересмотреть планы.

Дейли невольно усмехнулась.

— Ты даже не знаешь, кто они.

— Узнаю. — Вера допила кофе и решительно поставила чашку на стол. — Давай по порядку. Кто принёс папку? Что ты запомнила? И где в это время был твой породистый?

— Он приехал. Мы говорили.

— И что он сказал?

— Что не отдаст меня.

Вера хмыкнула.

— Красиво. Но красиво говорят многие. Мне нужно знать, что он будет делать.

40

Дейли хотела ответить, но в этот момент её телефон завибрировал на столе. Обе сестры посмотрели на экран. Высветилось сообщение от Мартина:

«Я разберусь. Сегодня. Не выходи из дома, пока я не напишу».

Вера прочитала сообщение через плечо сестры, и лицо её стало жёстким.

— «Не выходи из дома», — повторила она. — Мило. Теперь ты у него ещё и под домашним арестом.

— Он защищает меня.

— А ты, как я погляжу, уже готова сидеть и ждать, пока мужчина решает твои проблемы.

Дейли резко поднялась.

— Ты приехала час назад. Ты не знаешь ни его, ни меня, ни того, что между нами. Не смей судить.

Вера тоже встала. Они стояли над столом, как два бойца, и между ними снова звенело то невидимое, что всегда было между ними.

— А ты не смей прятаться, — сказала Вера тихо. — Ты всю жизнь прячешься. В книги. В работу. В дом с зелёной дверью. А теперь решила спрятаться в него.

Дейли открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли. Потому что в том, что сказала сестра, была правда — грубая, неудобная, как камешек в туфле, от которого не отмахнуться.

ГЛАВА 8

За окном дождь припустил сильнее, забарабанил по подоконнику. А телефон на столе снова зажужжал — на этот раз звонил не Мартин. Телефон звонил.

Вера первая перевела взгляд на экран, потом на сестру, и Дейли прочитала в её глазах то, что чувствовала сама: незнакомый номер после такой ночи — это не совпадение. Так не бывает.

— Ответь, — сказала Вера.

— Сама знаю.

Дейли взяла телефон. Палец дрогнул над кнопкой, и она на секунду замерла, прислушиваясь к собственной злости, — той самой, что весь разговор с сестрой клокотала в ней под рёбрами. Пусть звонят. Пусть скажут. Она не будет прятаться.

Она нажала ответить.

— Да.

41

Звонил незнакомый номер.

В трубке молчали. Потом — дыхание, ровное, спокойное, и наконец женский голос, низкий, обволакивающий, с той особенной мягкостью, за которой прячется сталь:

— Дейли Харт?

— Слушаю.

— Вы получили нашу посылку?

Дейли сглотнула. Вера стояла рядом, впившись в неё взглядом, и, кажется, перестала дышать.

— Получила, — сказала Дейли. — И что?

— И вы всё ещё с ним. Значит, вы не поняли, насколько это серьёзно.

— Я поняла ровно столько, сколько вы соизволили показать. А вы, кстати, так и не представились.

На том конце коротко, безрадостно усмехнулись.

— Моё имя вам ничего не даст. Важно другое: Мартин — не тот человек, с которым у вас может быть будущее. У него есть обязательства. Перед семьёй, перед городом, перед людьми, которые вложили в него много больше, чем вы можете себе

представить.

— И это должно меня остановить?

— Это должно вас предупредить. По-хорошему.

Дейли перевела взгляд на Веру. Сестра стояла, скрестив руки, и в её лице было столько холодной ярости, что Дейли на секунду стало

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.